УДК: 94(510).09

М. А. Гулева

РАБОЧИЕ, БОРЦЫ И КОММУНИСТЫ: КИТАЙСКИЕ ДРУЗЬЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ» (1922–1949 гг.)¹

ГУЛЕВА Мария Анатольевна – аспирант, старший преподаватель кафедры «Международные отношения» Гуманитарного института;

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

195251, ул. Политехническая, 29, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: mangul@mail.ru.

Вопросы советско-китайских отношений были предметом многих публикаций советского времени. Изображение китайцев- «друзей» в журнале «Крокодил» отразило перемены во внешне- и внутриполитических переменах обеих стран, что позволяет использовать эти материалы для расширения сведений о двусторонних отношениях. Хронологические рамки статьи ограничены началом издания журнала и учреждением Китайской Народной Республики.

КИТАЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА; ЖУРНАЛ «КРОКОДИЛ»; ОБРАЗЫ «ДРУЗЕЙ»; СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

Тенденцией в исторической науке последних лет стало внимание к новым аспектам общественной жизни и, как следствие, к новым типам источников. Для того чтобы создать более широкую панораму прошлого, требуется привлекать материалы, выходящие за рамки традиционных исторических источников, или по-новому подходить к анализу имеющихся свидетельств. Одной из самых ярких и разнообразных категорий являются визуальные источники. Анализ произведений искусства, плакатов,

_

 $^{^{1}}$ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-03-00224).

фотографий, кинолент, иллюстраций и иных изображений предполагает специфическую методику, разработке которой посвящаются отдельные исследования [23; 24]. Своеобразие визуальных материалов заключается в том, что трактовки и общее восприятие зримого зависят от большого субъективных факторов. Иначе говоря, визуальных источников велик риск «увидеть» то, что не изображено, в связи с чем возникает проблема аргументированности выводов. Для того чтобы максимально сократить возможность «приписывания» изображению несуществующих смыслов, представляется важным, с одной стороны, спектром количественных и качественных пользоваться разумным методов, а с другой, ставить предельно точные вопросы и в связи с этим определять, какие изображения могут дать на них ответы.

Политическая карикатура как один из жанров визуальных материалов позволяет рассматривать весьма разнообразные проблемы. Прежде всего, это политическая обстановка в том регионе, где возникали и распространялись карикатуры, степень свободы в изображении государственных деятелей, наличие или отсутствие критической ноты в публикациях. Второе – это формы политической борьбы и механизмы информирования населения о текущих событиях. Третьим может быть анализ вовлечённости простого профессиональных журналистов и населения создание карикатурных и иных шаржированных образов, благодаря чему, в свою традициях политической очередь, рассуждать 0 журналистики, демократии и прочем. Далее, карикатуры могут быть использованы как кладезь сведений о стереотипах и массовом сознании, культуре повседневной жизни, культурной антропологии и этнографии. Несомненно, этот список можно продолжать. Политические карикатуры на темы международной жизни естественным образом расширяют его до вопросов взаимного восприятия, бытового изображения дипломатических эмпиреев, реакции обывателя на многообразие мира.

Политические карикатуры, публиковавшиеся в журнале «Крокодил» в советское время, заслуживают внимание историка с нескольких точек зрения. Во-первых, они являются отражением событий, представлявшихся важными в глазах руководителей СССР; по частоте упоминаний и тональности «крокодильских» материалов можно судить, какие элементы

внешней и внутренней политики власть хотела сделать заметными для граждан Союза, а что предпочитала оставить в тени. Во-вторых, большой интерес представляет образная система карикатур, которая позволяет советского общества: делать выводы 0 настроениях милитаризации сознания, ориентации на союзнические и враждебные отношения с другими народами и государствами, готовности к критичному восприятию собственной страны. Безусловно, рисунки и заметки в журнале «Крокодил» зависели от симпатий художников, фельетонистов и редакторов; но если в 1920-е гг. журнал и допускал некоторую долю свободы, то, став к 1930-м гг. единственным центральным сатирическим изданием Союза в подчинении издательства ЦК ВКП(б) «Правда», он оказался рупором власти. Это позволяет использовать материалы журнала не столько для анализа устоявшихся взглядов авторов, сколько для изучения официальной пропаганды в менее формализованном жанре карикатуры и юморески.

Тема Китая впервые появилась в журнале в одном из самых ранних выпусков: уже в четвёртом номере «Крокодила» был опубликован дружеский шарж на А.А. Иоффе в «китаизированном» облике – в 1922 г. дипломат был назначен советским представителем в Китае [1, с.16]. В дальнейшем пристальное внимание Москвы к происходящему в Китае постоянно находило отражение в журнале: за период с начала издания «Крокодила» до образования Китайской Народной Республики (1922—1949 гг.) в нём было опубликовано более 210 рисунков и текстов, связанных с китайскими событиями, и этот корпус даёт достаточно материала для детального анализа.

Две крупнейших группы, на которые можно разделить эти публикации, основаны на бинарной оппозиции «плохое – хорошее»; в абсолютном большинстве карикатуры и заметки содержат явную положительную или отрицательную оценку события и личности, о которых сообщают. Это разделение было естественно для целей официальной пропаганды, пользовавшейся инструментами стереотипизации, и поэтому легко прослеживается в работах художников. Целью настоящей статьи является анализ положительного образа – китайских «друзей» советского народа. Сперва следует рассмотреть, с

какой регулярностью китайские события изображались с участием таких «друзей», к числу которых относятся «классовые союзники» (рабочие, крестьяне, рядовые солдаты), жертвы милитаристов, империалистов и других «общих врагов», борцы за «освобождение» Китая, китайские коммунисты и прочие персонажи, вызывающие сочувствие и симпатию. «положительные» герои оттеняются заметным количеством «отрицательных» фигур, среди которых выделяются как внутренние враги (на разных этапах это генералы, чанкайшисты, коллаборационисты), так и внешние (мировые капиталисты, японские агрессоры, западные реакционеры и т.п.). График 1, построенный по итогам подсчёта рисунков и заметок в журнале «Крокодил» (выпуски, доступные в Журнальном фонде Российской национальной библиотеки), позволяет судить о количественном соотношении «положительных» и «отрицательных» персонажей за рассматриваемый период (к группе «отрицательных» здесь отнесены только «внутренние враги»).

Как видно из колебаний двух линий, обе группы активно фигурировали на протяжении всего периода (исключение составляет отрезок 1941–1944 гг., когда все выпуски журнала были посвящены исключительно Великой отечественной войне). Однако график не точно отображает общее количество рисунков и текстов, поскольку один и тот же фрагмент мог изображать либо только «врагов», либо только «друзей», либо тех и других вместе. Поэтому колебания графика показывают именно разницу в частоте упоминаний этих групп, на основании чего можно делать выводы об общих акцентах официального дискурса о Китае.

Хорошо видны подъёмы серой кривой в 1925 г., 1936—1939 гг. и конце 1940-х гг. Внешне эти повышения коррелируют соответственно с началом т.н. революции 1925—1927 гг., антияпонской борьбой китайского народа и, наконец, завершением гражданской войны в 1949 г. Однако при подробном рассмотрении «крокодильских» материалов становится понятно, что содержание журнала не было простым отражением событий.

Период до 1925 г. – время, когда Советский союз ориентировался на «революцию на Востоке», разочаровавшись в пролетарском движении Европы. Китайские «друзья» оказываются в ролях учеников, ищущих верный путь (примером тому могут быть иллюстрации Ивана Малютина «По прямой дороге» [2, с. 5] и Юлия Ганфа «У великой китайской стены» [6, с. 2]). Параллельно метафора «пути» накладывается и на прагматический сюжет, связанный с Китайско-Восточной железной дорогой (КВЖД): вопрос о её принадлежности и праве эксплуатации стал одним из ключевых для советско-китайских отношений в 1920-е гг., что также не осталось без внимания «Крокодила». Важно отметить, что подписание соглашения о КВЖД в 1924 г. было представлено не просто как успех в двусторонних отношениях, но и как очередной удар по буржуазно-капиталистической реакции (например, рисунок Константина Елисеева «Кому мягко, а кому жестко» [4, с. 1]). Путь двух братских народов, как это рисуется в «крокодильских» публикациях, лежал в совместной борьбе империалистов. Позже та же метафора обрела иные очертания: в конце 1940-х гг. в китайской сюжетной линии появился «светлый путь Октября» (одноимённый рисунок Бориса Ефимова, иллюстрация Виталия Горяева с подписью «Поздравляю вас, товарищ, с Октябрём» в октябрьском выпуске журнала 1949 г. [20, с. 1, 16]) – это произошло одновременно с общим изменением образа китайских «друзей».

Наряду с идеей «ученика и учителя» развивалась и концепция помощи «пробуждающемуся» китайскому народу. В 1920-х гг. в СССР действовало общество «Руки прочь от Китая», на что «Крокодил» откликнулся целым рядом рисунков и фельетонов с аналогичным названием [3, с. 12; 5, с. 13]; впрочем, к концу 1920-х гг. этот лозунг приобрёл оттенок иронии и использовался уже для критики обывателей и лицемеров [7, с. 7; 12, с. 3]. В это время на первый план вышел советско-китайский конфликт из-за

КВЖД, в котором «Крокодил» обвинял то персонально Чан Кайши, то «китайских генералов» вообще [8, с. 6, 7; 9, с. 2, 3; 10, с. 1]. Впрочем, тогда же журнал стремился показать и наличие союзников в китайском обществе: хотя у власти в Китае, по версии «Крокодила», оказались «враги» и пособники мировых империалистов, китайские граждане по-прежнему заслуживали сочувствия. Так, в июльском выпуске журнала 1929 г. опубликованы стихи за подписью «Микассо»:

Один предался англичанам, Другой во Францию спешит. Что ж, когда Фын дерется с Чаном, То у китайца чуб трещит [8, с. 7].

Не менее значителен и факт, что «Крокодил» опубликовал иностранные карикатуры на советско-китайский конфликт. В комментарии пояснялось, что «буржуазные газеты» изображают большевиков как «чугунных чудищ в кожаных куртках» [11, с. 5]. Тем самым журнал подчёркивал, что Запад опасается Советского Союза и надеется руками китайских милитаристов ослабить большевистскую власть. Следовательно, необходимо было укреплять дружбу советского и китайского народов. «цитаты» из Подобные зарубежной прессы позже использовались «Крокодилом» и для более непосредственного создания образа «союзника»: в конце 1940-х гг. в журнале появлялись китайские зарисовки на тему освободительной борьбы [например, 18, с. 3; 22, с. 8–9], что, несомненно, было призвано показать, как демократический Китай следует примеру СССР.

Важным толчком в эволюции китайских «друзей» на страницах журнала стала японская агрессия 1930-х гг. Примечательно, что чёрная кривая в графике 1 оказывается здесь ниже, чем серая — образы страдающего китайского народа, беззащитных мирных жителей и погибших солдат доминируют, тогда как марионеточные правители и бездействующие власти возникают лишь изредка. Но характерно, что среди «друзей» мало воинов, партизан и соратников: сопротивление агрессору либо не оказывается, либо выглядит пассивным. Ярким примером такой бездеятельной борьбы в изображении «Крокодила» является рисунок Константина Ротова «Самурайские мухи», где насекомые в японской форме и с имперским флагом слетаются на липкую бумагу —

карту Китая. Собственно, оказывается, что гибель японских «мух» здесь становится следствием не активной обороны китайцев, а обширности китайских территорий и глупости «мух», которые «влипли», как явствует из подписи [14, с. 1]. Похожую метафору использовал и Юлий Ганф в рисунке «Японский медведь на китайской пасеке», где недотёпа-мишка, наряженный в японскую фуражку, очки (атрибут японца в журнале) и с мечом за поясом, пытается забраться в ульи с китайскими загнутыми крышами. Китайцы в виде рассерженных пчёл многочисленны и могут одолеть захватчика, но при этом лишены человеческого облика, а потому не вызывают сопереживания [13, с. 16].

Настоящее сочувствие к борьбе китайского народа возникло в журнале только во второй половине 1940-х гг., когда основным врагом стал «реакционный» Гоминьдан – Национальная партия Китая во главе с Чан Кайши (Цзян Цзеши). Здесь образ «друзей» приобрёл принципиально новые черты: из «учеников» и растерянных крестьян 1920-х гг. и беззащитных жителей 1930-х гг. китайские союзники превратились в воинов-освободителей, которые под одобрительные улыбки соотечественников и советских соратников сбросили иностранное и реакционное бремя. Китайские рикши отказались возить империалистов, рабочие прогнали капиталистов, солдаты Народно-освободительной армии (HOA) избавили крестьян от необходимости платить «помещикам» [15, с. 8; 17, с. 12; 18, с. 3; 21, с. 3]. На этом фоне не стоит забывать и о «врагах» – чёрная линия в графике 1 в этот период оказывается выше серой, поскольку одной из задач «Крокодила» стало обоснование грядущей дипломатической переориентации СССР от поддержки правительства Чан Кайши к признанию КНР во главе с Мао Цзэдуном. «Продажность» гоминьдановского правительства, его неэффективность и отсутствие народной поддержки должны были придать легитимность решению Москвы об установлении официальных отношений с новым союзником на международной арене. Финальным аккордом в этом ряду служит рисунок Михаила Черемных «Новое созвездие на мирном небосклоне», изображающий радостного солдата-коммуниста с красным цветком у сердца и огромным реющим знаменем в руках [19, с. 1]. Звёзды на знамени действительно складываются в созвездие, но расположены они на рисунке не так, как на флаге КНР: на рисунке М. Черемных четыре малых звезды поднимаются полукругом над одной большой, тогда как на флаге они изображаются справа от неё. Не имея сведений о причинах такой трактовки китайского флага, мы ограничимся лишь упоминанием этого любопытного феномена.

С образованием КНР тема китайских «друзей» обрела новые черты, поскольку Китай стал на некоторое время полноценным союзником в международных отношениях, а победа коммунистов послужила новым вдохновением для политического дискурса советской прессы.

3a первые три десятилетия своего существования журнал «Крокодил» откликнулся большинство событий, на крупных произошедших в Китае. При этом на его страницы не попали некоторые важнейшие эпизоды: так, в отличие от советских газет, «Крокодил» ничего не опубликовал по поводу смерти Сунь Ятсена. И если это легко объясняется общей тональностью журнала, гораздо менее очевидно, по какой причине полностью обойдено вниманием существование китайской Компартии (КПК). Во всём «Крокодиле» коммунисты как партия не упоминаются в рассматриваемый период ни разу; в конце 1940-х гг. в качестве организации коммунистического толка выступает НОА [16, с. 3]. Вероятно, в 1920-30-е гг. это объясняется двусмысленностью положения КПК и Гоминьдана, а позже – желанием представить борьбу китайского народа как результат советской помощи и идейного руководства.

Характерной чертой в описании китайских событий служит обезличивание «друзей» и персонификация «врагов»: союзники выступали в собирательном образе пролетариев, воинов, товарищей, тогда как противников нужно было знать поимённо, поэтому «Крокодил» без околичностей упоминал Чжан Цзолиня, Чан Кайши, Пу И, Ван Цзинвэя и других. Среди немногочисленных имён «друзей» Мао Цзэдун впервые упомянут только в 1950 г., в цитате из «рассказов китайских студентов» [22, с.8]. Редакция «Крокодила» предпочитала не вводить в дискурс именованных союзников в силу общей концепции журнала «сатиры и юмора». Но думается, что этому же способствовало и наличие собственных «вождей» в СССР, наряду с опасениями, что в Китае

повторится хаос 1920-х гг., когда вчерашний союзник легко становился сегодняшним оппонентом.

Эволюция, через которую прошли китайские «друзья» советского народа в журнале за время с 1922 по 1949 гг., подчёркивает изменение внешнеполитических ориентиров советского правительства: от восприятия Китая в рамках идеала революции с Востока, через поддержку борющегося против общих врагов братского народа к идеологическому союзнику, стороннику в международных делах и последователю. Одновременно с общая линия дискурса журнале ЭТИМ В диктовалась вполне практическими соображениями: вопросами 0 пользовании КВЖД. необходимостью мобилизовать советских граждан на дальнейшую борьбу, стремлением обосновать внешнеполитические действия СССР. Для этого применялись узнаваемые метафоры («путь», «пробуждение»), символы (реющие знамёна, сжатые кулаки, пролитая кровь) и образы (общий враг, борьба). Иными словами, на китайских революционная экстраполировался опыт советского народа, и в результате создавался неточный, понятный стереотип. Неформальный стиль НО способствовал лёгкости восприятия такого изображения, поэтому можно говорить, что к концу 1940-х гг. образ китайских «друзей» вполне укрепился в массовом сознании советских граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Крокодил. 1922. № 4 (16).
- 2. Крокодил. 1922. № 5 (17).
- 3. Крокодил. 1924. № 17 (97).
- 4. Крокодил. 1924. № 18 (98).
- **5.** Крокодил. 1925. № 2 (112).
- 6. Крокодил. 1925. № 5 (115).
- 7. Крокодил. 1925. № 35.
- 8. Крокодил. 1929. № 28.
- 9. Крокодил. 1929. № 29.
- 10. Крокодил. 1929. № 30.
- 11. Крокодил. 1929. № 35.
- 12. Крокодил. 1929. № 39.
- 13. Крокодил. 1938. № 7.
- **14.** Крокодил. 1938. № 13.
- **15.** Крокодил. 1945. № 30.
- 16. Крокодил. 1948. № 20.

- **17.** Крокодил. 1949. № 5.
- 18. Крокодил. 1949. № 7.
- 19. Крокодил. 1949. № 29.
- 20. Крокодил. 1949. № 30.
- 21. Крокодил. 1950. № 9.
- 22. Крокодил. 1950. № 27.
- **23. Burke P.** Eyewitnessing: The Uses of Images as Historical Evidence. London: Reaktion Books Ltd, 2001.
- **24.** The SAGE handbook of visual research methods / ed. by Eric Margolis a. Luc Pauwels. [Repr.]. Los Angeles [etc.]: SAGE, 2012.

GULEVA Mariia A. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia; e-mail: mangul@mail.ru.

WORKERS, FIGHTERS, COMMUNISTS: CHINESE FRIENDS OF SOVIET PEOPLE IN KROKODIL MAGAZINE (1922–1949).

Soviet-Chinese relations were the objects of many Soviet publications. Images of Chinese "friends" in the Krokodil magazine reflected the changes of internal and external policies of the two states, thus providing material which helps to widen our knowledge of the bilateral relations. Chronological frames are defined by the year of the first issue of the magazine and the year when PRC was established.

REPUBLIC OF CHINA; *KROKODIL* MAGAZINE; IMAGES OF "FRIENDS"; SINO-SOVIET RELATIONS.